18.04.2002
Литвинова Виолетта

Новая газета № 28 (766)
– 2002. – 18 апр.

119

Виолетта Литвинова

КОФЕЙНЯ БЕЗУМНОГО ШЛЯПНИКА

ВИОЛЕТТА ЛИТВИНОВА – КОРОЛЕВА ШЛЯП

«Кофейня Безумного Шляпника» открыта в апреле на углу Делегатской улицы и Садового кольца, в Музее декоративно-прикладного искусства.

Хозяйка «Кофейни» — модельер Виолетта Литвинова. На рубеже 1980—1990-х она входила в группу художников «Фруктовый покер». Их показы в первых галереях, а то и просто на летнем Никитском бульваре казались знаком новой жизни, описанной в старых книгах, но вскоре имеющей наступить. Коллекция Литвиновой «Ботанический балет», сделанная совместно с Андреем Бартеневым, блеснула на «Ассамблее неукрощенной моды» в Риге в 1991-м. Бунт цвета и формы, уличный карнавал неукрощенных, борьба за право на образ были сутью нашего дизайна тех лет: он рождался из пестрого пепла начала XX века с петушьим криком Уленшпи́геля. А что теперь?

...В 1995-м Виолетта Литвинова стала призером конкурса модельеров Vogue en Vilnusse (председателем жюри был Пако Рабанн). Ее шляпы носят Людмила Максакова и Рената Литвинова, они продаются в Лондоне, в парижском бутике «Ират» за церковью Сен-Жермен, мелькают в московском мультибрендовом бутике молодых дизайнеров «Марки». Тем не менее она остается и сегодня единственным в Москве настоящим «художником по шляпам». Живым манифестом тонкой ручной работы. Делает коллекции сама. Без ассистентов. Подолгу. Например, коллекция «Чаепитие Безумного Шляпника» была показана в галерее «Дом» в марте 1999 года.

Так что явления Литвиновой сравнимы с весенним перелетом шляп.

Определить бы: откуда и куда летят? Экзотические они — или рождены в буреломе Среднерусской возвышенности? Идут на вертикальный взлет (прочь, прочь отсюда! — шляпы плачут, подбирая бархатные фестоны, теряя стразы, банты и шестигранные гайки в бурном бегстве!) — или возвращаются из иных времен и городов, чтоб свить гнездо на темечке угрюмой и неженственной, остриженной под полубокс недоразвитого капитализма новой Москвы?

Эти выгнутые, перекрученные вороны высоких цилиндров, черные фетровые птицы с шелковой, почти живой розой Азора на одном крыле, пурпурные готические колпачки с острым крылом сетчатой вуалетки, закрывающей один глаз, войлочные пастушьи малахаи, колибри маленьких шляп-таблеток из синего атласа-лино, классические кружевные наколки эпохи Александра II (в такой замужняя Китти могла б разливать чай в усадьбе Левина) — и такие же наколки, невозмутимо изваянные автором из пяти радужных компакт-дисков, с лазурным эгретом из перьев цапли...

Шляпы отделаны осколками, обломками, обрывками прабабушкиного приарбатского гламура. Шляпы несут на тульях пожелтелые фотографии красавиц 1900-х — Клео де Мерод или Веры Каралли. Шляпы и колье украшены мышеловками (в проволочных челюстях зажат драный клок кружева). Плавленая, перекрученная, черно-серебристая пластмасса кулона отделана потрепанным страусовым пером — и гайками, пружинами раскладушек. Ее шляпы — с их диким и безошибочным сочетанием бархата, страуса, порченых CD, ржавой проволоки из окраинных мусорных баков, шелковых цветов, пожелтелых фотографий, солдатского сукна и деревенского войлока — сродни «Стихам о Прекрасной Даме» нашего времени. Они сюрреалистичны — ибо такова жизнь. Они доказывают: эта жизнь — не кладбище культур, не свалка изношенного наследия, а питательный бульон новой красоты.

Форма стихов... то есть шляп — безупречна. Это уж дело чести автора

— Виолетта, вы выбрали шляпы как жанр? Или они — вас?

— Я люблю все аксессуары. Я бы, если бы была возможность, делала бы все целиком: шляпы, перчатки, сумки. (Ведь они и должны сочетаться, по-хорошему.) Но шляпа — это всегда четкая форма. Пусть причудливая. А я очень люблю работать с формой. И это то, что подходит к лицу, что меняет лицо.

— Ваш инструментарий?

— Руки и голова... Ножницы, прессы (но это очень традиционно для всех шляпников), специальные распариватели для фетра, деревянные болванки...

Я почитаю технику старых мастеров. Очень люблю ходить в Ленинку и изучать старые книги по шляпному делу. Ведь в России до 1917 года даже издавалась «Шляпная газета». И были знаменитые дамские приложения к «Ниве» — с советами, выкройками. В годы Первой мировой войны многие женщины не могли больше обращаться к модисткам, покупать дорогие шляпки. В журналах 1914—1917 годов появилась масса советов — как это сделать дома, самой. Я стараюсь эти приемы использовать, перерабатывать. Ищу утраченные рецепты по изготовлению цветов для шляп.

— Шелковых?

— Да. Все попытки найти в Москве мастеров, умеющих делать шелковые цветы так, как мне нужно, так, чтоб цветок был живой (не засушенный, когда переложено много всего и он превращается в стеклянный, пластмассовый, неприятно хрустящий), — попытки эти не удались. Я сама их делаю. Маки очень красивые на шляпах получаются, хризантемы. Я люблю делать розы. Я люблю делать фиалки. Самый, конечно, высший пилотаж — делать шелковые ландыши, но до этого я еще не дошла...

— Вы собираете шляпы и все, к этому высокому ремеслу прилежащее...

— Да, в моей коллекции старинных шляп — больше ста вещей. Я очень люблю собирать аксессуары. Сумочки, перчатки, шляпные булавки. Я их привожу из разных стран, с блошиных рынков, из антикварных магазинов, их приносят знакомые...

Есть настоящие шляпы Шанель конца 1930-х годов. Есть очень дорогие мне вещи, например, я привезла из Тулузы старинный приборчик для реставрации шляп. Это, наверное, последний, конца 1950-х годов, уже электрический. Я его использую.

— Вам кажется устроенной сегодняшняя Москва? Возникли ли в ней «культура кофейни», «культура бутика», «культура парка»? Много ли в ней мест, куда сможет и захочет пойти дама в вашей шляпе?

— Я человек, который любит камерные места. А в Москве таких мест очень мало. Но я люблю, например, гулять по Крымскому мосту...

— Это и есть камерное место в вашем понимании?

— Это странное место, где много пространства, воздуха, и хочется больше всего встать на самой середине и вылететь в эту речку! Я не знаю, почему. Но есть ощущение мощности этих пролетов и стали!

А другое ощущение, которое я очень люблю: поздно ночью гулять по Москве одной. Когда мало машин, когда людей нет и ты можешь тихо идти по старинным улочкам и рассматривать здания, мимо которых днем пробегаешь.

Было лето, когда я очень много совершала таких путешествий. И открыла какую-то неизвестную мне Москву — дома, скверы, переулки.

Обалденное ощущение, когда стоишь на Садовом кольце — мощном, крупном — в районе Колхозной площади или Тверской. Ночь глубокая. Ни одной машины. И ты чувствуешь, как дышит этот город, и ощущаешь его мощь, его дыхание и... я иногда люблю так... гулять и чувствовать.

— Вам спокойно в ночной Москве?

— Наоборот! Какое-то будоражащее ощущение. Это сравнимо с энергией океана. Потому что я очень люблю море и очень люблю океан. У меня любимое будоражащее ощущение осталось: я была в Португалии, там есть такое место, где кончается материк.

Мыс. А дальше океан. И за ним Америка. И ты сидишь на краешке света, как ослик в мультфильме... На краешке света, свесив ножки.

А на море шторм. И ты чувствуешь энергию, которая тебе передается от природы и земли.

И в Москве есть такое ощущение. Только оно более тяжелое, более трагическое. Потому что Москва — все-таки тяжелый город.

Ну... мы живем здесь, работаем. Здесь есть другая положительная энергия.

— Жизнь за последние десять лет очень изменилась внешне. Давно ушла формула «дамочка в шляпочке». Но носят шляпы все же единицы...

— Глобализация экономики обернулась еще и глобализацией вкусов. А головной убор — это индивидуальность. Если вы увидите человека в шляпе, все равно, мужчина это или женщина, — сто процентов, что это личность! Причем личность, статус которой отличается от общепринятого...

Я всегда выделяю среди прохожих такого человека. Он мне близок. Я люблю неординарных, эпатажных, причудливых людей. Но их не так много. Мир оскудел ими.

...Конечно, все шляпники немножко романтики: этот аксессуар предполагает такое отношение к действительности.

— Как вы относитесь к вуалям? Они у вас такие прекрасные...

— Очень люблю. И люблю паранджу, как ни странно. У меня какая-то тяга к восточным костюмам. Мне нравится все, что скрывает лицо, потому что тогда в женщине появляется загадка.

...Смелость надо иметь, чтобы носить шляпу с вуалью. Чтобы носить то, что ты хочешь! Чтоб самой себе это позволить. Сейчас, конечно, в России появилось много независимых, раскованных женщин. Но у них в другую сторону перегиб. В сторону жесткого унисекса... Между тем даже то, что народ так тянется к Версаче и к турецким кружевам, свидетельствует, что в России по-пре-

Смелость надо иметь, чтоб носить вуаль!

На выставке есть и инсталляция — все вещи родом из мастерской художницы